

Александр Устинович Порецкий

Наши домашние дела

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84-4

Александр Устинович Порецкий

Наши домашние дела / Александр Устинович Порецкий – М.: Книга по Требованию, 2011. – 374 с.

ISBN 978-5-4241-1930-9

Публицистические заметки Порецкого Александра Устиновича (1819 - 1879). Писатель окончил курс в Казанском университете. Редактировал "Воскресный Досуг" и (официально) "Эпоху" братьев Достоевских. Писал и стихотворения, из которых детская песенка "Вот попалась, птичка, стой" чрезвычайно популярна.

ISBN 978-5-4241-1930-9

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

"Время", № 7, 1861

Недавнее прошедшее и проводы Пирогова изъ Кіева

Было время, о которомъ по преимуществу и съ особеннымъ чувствомъ можно сказать вмѣстѣ съ Грибѣдовымъ:

"Свежо преданіе, да вѣрится съ трудомъ"

это то время, когда мы знали, что въ иныхъ земляхъ существуетъ понятіе, выражаемое словами: "l'opinion publique", и что это выраженіе, если бы понадо- билось, можно очень вѣрно и точно перевести на русскій языкъ словами: "общественное мнѣніе". Такъ его и переводили, когда заходила рѣчь и чужеземныхъ понятійхъ; тамъ же, гдѣ рѣчь шла о насъ и о нашихъ понятійхъ, такого перевода дѣлать не приходилось... Удивительное было время! Вѣдь общественное мнѣніе есть мнѣніе большинства о какомъ-нибудь общемъ дѣлѣ или общественномъ дѣятелѣ; большинство было, и каждый членъ его думалъ же что-нибудь о томъ, что онъ знаетъ; а общественного мнѣнія все-таки не обрѣталось. Думалъ каждый про себя и не знаетъ, также ли думаетъ его землякъ: Кострома не знала, какъ думаетъ Пенза, Пенза не знала, какъ думаетъ Кострома, а Петербургъ не знаетъ мнѣній Костромы, Пензы и всѣхъ иныхъ. Тихо, какъ-будто неслышимо и невидимо, текли общественныя дѣла; въ глубокомъ безмолвіи взидало большинство на строй общественныхъ дѣятелей, различая ихъ болѣе или менѣе твердо по именамъ, и несомнѣнно твердо по титуламъ; взирая на этотъ строй, оно видѣло болѣе или менѣе блестящія одежды, болѣе или менѣе ясныя атрибуты титуловъ; но за одеждами не могло разглядѣть лицъ, за титулами — человѣческихъ характеровъ. Смотри по тому, въ виду какой части большинства дѣйствовалъ и на какую долю его вліялъ извѣстный общественный дѣятель, эта доля составляла отдѣльную группу съ своими затаенными мнѣніями, симпатіями и антипатіями, не зная, не думая и не заботясь о мнѣніяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ другихъ подобныхъ группъ. Смутно, неясно и несвязно, какъ ночныя грезы, носились подъ часъ эти мнѣнія, симпатіи и антипатіи изъ одной группы въ другую и принимались безучастно, какъ во снѣ. И эта ночь, полная грезъ и призраковъ, лежала надъ всею объятою тревожнымъ сномъ массою большинства; оно почивало, крѣпко сомкнувъ вѣжды, и только порою вздрагивало и лепетало подъ вліяніемъ сновъ и призраковъ, блестяшихъ, но безличныхъ, знакомыхъ и въ тоже время незнакомыхъ ему...

Не знакома ли вамъ, читатель, эта молчаливая картина общественного положенія? Вы, можетъ быть, уж не видите ея вокругъ себя; но, какъ бы молоды вы ни были, она должна быть знакома вамъ по воспоминанію, по преданію...

"Свежо преданіе, а вѣрится съ трудомъ"!

Преданіе говоритъ, что въ то время мудрено было выдвинуться изъ ряда общественному дѣятелю, что ни у одного изъ нихъ и не было особенной охоты выдвигаться въ глазахъ массы; что тогда надъ всѣми проходилъ общій уровень, и подъ нимъ двигались разныя фигуры, дѣйствуя по заведенному порядку, по

данной инструкции, не внося въ дѣло собственныхъ умственныхъ и сердечныхъ особенностей; а если иные вносили, то потихоньку и съ цѣлями тоже особенными, личными и домашними, и это вношеніе было такого рода, что ужъ лучше бы его и не было; были конечно немногія исключенія, были люди, не подходившіе подъ уровень, не умѣвшіе двигаться по заведенному порядку; но они зато и совсѣмъ не двигались: они уходили отъ общественной дѣятельности и *повиному* забывались, а потомъ тихо сходили и теперь еще по временамъ сходятъ въ могилу, напутствуемые короткими и сухими некрологами... Мы не помѣщаемъ такихъ некрологовъ, хотя удерживаемъ за собою личное право уважать память исключительныхъ, выходившихъ изъ ряда личностей. Исторія выберетъ изъ нихъ достойнѣйшихъ и въ свое время поставитъ на принадлежащія имъ мѣста... Преданіе говоритъ, что въ то время не было общественнаго мнѣнія, потомучто оно составляется изъ дружнаго сліянія миллионовъ отдѣльныхъ личныхъ мнѣній, а такого сліянія тогда образоваться не могло: для этого нуженъ гласный обмѣнъ мыслей и чувствъ, нужно громкое ихъ выраженіе, которое было не принято; публичные органы, существовавшіе въ опредѣленномъ числѣ, оставались въ этомъ отношеніи праздными; а новымъ, съ свѣжими силами органамъ, по словамъ преданія, возникать было неудобно и затруднительно... Вотъ недавно, очень недавно, уже въ наше, настоящее время, когда вдругъ появились десятки объявлений все о новыхъ общественныхъ органахъ, намъ даже стало смѣшно: "что это? заговорили мы, откуда ихъ столько, какъ грибовъ послѣ дождя? ужъ не слишкомъ ли много? кто же читать-то ихъ будетъ?"... Такъ странно показалось намъ съ непривычки такое явленіе! Поговорили, посмѣялись, головами покачали... А теперь уже и не смѣемся; а если иногда и засмѣемся, то никакъ не надъ появленіемъ новыхъ органовъ, а только надъ ихъ исчезновеніемъ: засмѣмся, когда вдругъ упорхнеть изъ рукъ какая-нибудь «Ласточка», пропадетъ безъ вѣсти "Дамскій Вѣстникъ" или «Современность» окажется анахронизмомъ. Впрочемъ иныя исчезновенія возбуждаютъ не смѣхъ, а скорѣй горькую улыбку. Но когда рождаются новые органы — намъ не странно; мы встрѣчаемъ ихъ не съ удивленіемъ, а съ привѣтливой улыбкой, какъ дорогихъ и пріятныхъ гостей; мы уже не спрашиваемъ, кто ихъ будетъ читать, и не имѣемъ причины дѣлать этотъ скептическій вопросъ въ виду такихъ фактовъ, какой представляетъ напр. городъ Шуя, гдѣ, по увѣренію мѣстнаго корреспондента, въ 1859 году получалось разныхъ газетъ и журналовъ 246 экземпляровъ, въ 1860 году 293 экземпляра, а въ нынѣшнемъ 1861-мъ дошло это число до 350... Мы рады новымъ органамъ, кто бы они ни были — столичные ли уроженцы или иногородные; намъ стали нужны иногородные "вѣстники", намъ стали нужны вѣсти отвсюду. Намъ не странно было услышать изъ Симбирска о "Волжскомъ Вѣстникѣ", не странно и теперь узнать, что въ Кронштадтѣ будетъ съ іюля нынѣшняго года издаваться "Кронштадскій Вѣстникъ", а въ Астрахани съ 1-го января 1862 года «Волга»; что первый предполагаетъ быть "органомъ всѣхъ мѣстныхъ явленій и событій общественной жизни, а также будетъ посвященъ морскому дѣлу и всему, что имѣетъ къ нему близкое отношеніе"; вторая — "посвящается исключительно промышленнымъ интересамъ прикаспійскаго края, собиранію статистическихъ данныхъ по торговой и промышленной дѣятельности Поволжья и волжско-каспійскаго пароходства".

Все это теперь кажется намъ естественно, нужно, необходимо; но въ то время,

о котором мы сохранили свѣжее преданіе, новые мѣстные общественные органы казались, говорятъ, почти невѣроятными.

Не подумайте однако, читатель, что мы начали рѣчь о нашемъ свѣжемъ преданіи по поводу объявленій о новыхъ журналахъ. Нѣтъ! они намъ попались уже къ слову, случайно и неожиданно; заговорили же мы подъ вліяніемъ другого, болѣе разительнаго и сильнѣе дѣйствующаго на душу явленія: именно подъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на насъ разказами о томъ, какъ Кіевъ и кіевскій учебный округъ прощались съ бывшимъ попечителемъ этого округа Н.И.Пироговымъ. Это прощаніе, эти проводы, описаны въ особой, изданной въ Кіевѣ брошюрѣ, извлеченія изъ нея помѣщены въ нѣсколькихъ журналахъ и газетахъ, такъ что вся читающая Россія уже знаетъ теперь или узнаетъ на дняхъ, что Кіевъ и кіевскій учебный округъ смотрѣли на удаленіе отъ нихъ Пирогова какъ на общее лишеніе, на общую утрату; что имъ въ этомъ глубоко сочувствовали Петербургъ, Москва, Казань, Харьковъ, Одесса и другіе города; что эти сожалѣнія объ утратѣ и сочувствія высказались чистосердечно и громко — одни въ произнесенныхъ въ Кіевѣ рѣчахъ, другія въ переданныхъ туда изъ разныхъ мѣстъ телеграммахъ, и что стало быть здѣсь послѣдовало сліяніе мыслей и чувствъ огромнаго большинства объ одномъ общественномъ дѣятелѣ; узнала это читающая Россія, и общественное мнѣніе о человѣкѣ опредѣлилось; теперь его всѣ знаютъ, теперь онъ всѣмъ знакомъ... Отчего же это случилось? Отчего успѣли его такъ узнать? Оттого, что онъ внесъ въ общее дѣло свою человѣческую личность, свое неизмѣнное, честное убѣжденіе, и его узнали какъ человѣка...

Но что же такое сдѣлалъ Н.И.Пироговъ! Чѣмъ онъ возбуждалъ къ себѣ это общее влеченіе? За что его благодарятъ и любятъ? Все это откровенно и непритворно высказано ему самому на прощаньи. 4-го апрѣля кіевское ученое сословіе давало прощальный обѣдъ Пирогову, а на обѣдѣ говорили свои прощальные слова — профессоръ университета, учителя гимназій, представитель студентовъ, представитель евреевъ, и наконецъ профессоръ Шульгинъ сдѣлалъ "наглядный сводъ того, о чемъ говорили его предшественники"; онъ перечислилъ дѣла Пирогова, и -

"Вотъ дѣла эти:

"1) Конкурсный порядокъ замѣщенія каедръ въ университетѣ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ округа; 2) первый осуществленный планъ педагогической семинаріи, который легъ въ основу нынѣшнихъ педагогическихъ курсовъ; 3) спеціализація отдѣловъ историко-филологическаго факультета — на историческій, классической филологіи и славяно-русской филологіи; 4) правила о судѣ надъ студентами; 5) устройство студентской библіотеки и лекторіи, и снабженіе первой пожертвованіемъ собственныхъ его книгъ; 6) возвышеніе значенія педагогическихъ совѣтовъ; 7) преобразование окружнаго циркуляра въ замѣчательное педагогическое изданіе; 8) правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ; 9) совершенное преобразование гимназическихъ испытаній; 10) литературныя бесѣды учениковъ; 11) воскресныя школы; 12) возвышеніе еврейскихъ учебныхъ заведеній.

"Довольно кажется совершенно въ два съ половиною года", говоритъ г. Шульгинъ, сдѣлавъ этотъ перечень, и затѣмъ продолжаетъ:

"Но не въ видимой ломкѣ стараго и не въ видимой постройкѣ новаго, не въ кипахъ бумаги, исписанной правилами и постановленіями, заключается тайна

вліянія передовыхъ людей. Она заключается въ томъ живительномъ духѣ, которымъ избранныя личности воодушевляють и лица и учрежденія, отъ нихъ зависящія. Всѣмъ намъ извѣстно, что первый вопросъ, который ставилъ Николай Ивановичъ при имени каждой науки, былъ вопросъ о томъ, какую образовательную силу имѣетъ эта наука, и какъ приложить эту образовательную силу къ дѣлу. Всѣмъ намъ извѣстно, что при каждомъ удобномъ случаѣ, всѣми средствами, какими располагалъ онъ, старался Николай Ивановичъ вызвать къ самодѣятельности и непочатая, свѣжія силы младшаго, и, можетъ быть, уже сталья силы старшаго поколѣнія. Въ этихъ двухъ началахъ — великая заслуга Пирогова, въ нихъ жизненный нервъ образованія вообще и гуманнаго образованія въ особенности.

"Но гдѣ же слѣды этой дѣятельности, этого великаго вліянія? спросать бытъ можетъ люди, которымъ духовное вліяніе видно только тогда, когда на него пальцемъ ткнешь.

"А хоть бы въ словахъ этого студента, недавно гимназиста, такъ разумно сознающаго отношеніе ученика къ наставнику и обществу, и такъ благородно признающаго, кому онъ этимъ сознаніемъ обязанъ...

"А развѣ не указываетъ на вліяніе Пирогова еврей, предлагающій пособіе бѣднымъ студентамъ — евреямъ и христіанамъ безъ различія?..

"А этотъ наконецъ представитель евреевъ, только что провозгласившій отъ ихъ имени тость за образованіе христіанъ, имѣющихъ такого представителя челоувѣчности въ Пироговѣ...

"Кстати о челоувѣчности. Вы украшены титуломъ превосходительства, Николай Ивановичъ! Рѣдко кто изъ насъ называлъ васъ этимъ титуломъ. А между тѣмъ, никогда не величая васъ превосходительствомъ, я теперь, на прощаньи, громко и смѣло скажу, что другого титула вамъ нѣтъ и быть не можетъ. "Онъ былъ великій король!" говоритъ у Шекспира Гораціо про отца Гамлетова. "Челоувѣкъ онъ былъ изъ всѣхъ людей, какихъ намъ доводилось видѣть"! отвѣчаетъ ему Гамлетъ.

"Вотъ въ этомъ-то смыслѣ вы превосходительство: вы превосходите, какъ челоувѣкъ, многихъ и многихъ людей у насъ на Руси, гдѣ еще съ Діогеновымъ фонаремъ, среди бѣла дня, нужно искать челоувѣка. Имѣя честь быть членомъ факультета, кругъ наукъ котораго носить по преимуществу названіе челоувѣчныхъ (humaniora), я почитаю долгомъ заявить, что великій медикъ являлся въ отношеніи къ гуманному факультету вполне гуманнымъ челоувѣкомъ.

"Но пора намъ разстаться... Вамъ, чтобы вдали отъ насъ наслаждаться благороднымъ сознаніемъ исполненнаго долга и продолжать тѣ благіе труды, которые вы развѣ съ послѣднимъ вздохомъ прекратите. Намъ для того, чтобы грустить и сожалѣть... о комъ? да хоть о сомнѣхъ себѣ сожалѣть...

"Отецъ и учитель! Завѣщай мнѣ только духъ твой!" говорилъ сынъ умирающему Гердеру, отрицаясь отъ всякаго другого наслѣдства. Съ тою же просьбою обращаемся и мы къ вамъ Николай Ивановичъ. Оставьте намъ духъ вашъ, ваши стремленія, вашу высокую челоувѣчную и гражданскую доблесть."

Чтобы еще ярче представить личность Пирогова и дать понятіе тайну общаго сочувствія къ нему, — довольно привести нѣсколько словъ изъ его отвѣтной рѣчи. Онъ началъ ее тѣмъ, что сочувствіе, которое ему оказываютъ, относится столько же къ нему, сколько и къ самимъ сочувствующимъ; что они сочувствуютъ его взглядамъ на жизнь, науку и школу, но эти взгляды столько же его, сколько и ихъ

собственные.

"Вся моя заслуга, дающая мнѣ право на ваше сочувствіе, говорилъ онъ потомъ, состоятъ только въ томъ, что я угадалъ васъ.

"...понявъ хорошо другъ друга, могли ли мы, какъ въ жизни, такъ въ наукѣ и въ школѣ, какъ въ ребенкѣ, такъ и въ юношѣ, въ возмужаломъ и въ старикѣ, не уважать человѣческое достоинство, нравственную свободу человѣческаго духа и личность?

"Угадавъ и понявъ васъ, проодить наши общія убѣжденія было моею первою обязанностію.

"Судить о томъ, какъ я, слѣдовательно и вы, исполнили эту обязанность, значило бы судить о самихъ себѣ.

"Такой судъ не можетъ быть безпристрастнымъ.

"Время обсудить и оцѣнить лучше нашего и наши убѣжденія, и наши дѣйствія; а мы, разставаясь, утѣшимъ себя тѣмъ, что и здѣсь, на землѣ, - гдѣ все происходитъ, — есть для насъ одно неразрушимое — это господство идей. И потому, если мы вѣрно служимъ идеѣ, которая, по нашему твердому убѣжденію, вела насъ къ истинѣ путемъ жизни, науки и школы, то будемъ надѣяться, что и потокъ времени не унесетъ ея вмѣстѣ съ нами."

8-го апрѣля Н.И.Пироговъ прощался съ студентами университета. Изъ того, что онъ говорилъ имъ при этомъ, мы возьмемъ нѣсколько фразъ, которыя характеризуютъ его уже вполне и которыя такъ хороши, что ихъ полезно узнать и запомнить всѣмъ и каждому. Онъ говорилъ:

"Я принадлежу къ тѣмъ счастливымъ людямъ, которые хорошо помнятъ свою молодость. Еще счастливѣе я тѣмъ, что она не прошла для меня по напрасну. Отъ этого я, старѣясь, не утратилъ способности понимать и чужую молодость, любить и, главное, уважать ее...

"Бывъ попечителемъ университета, я поставилъ себѣ главною задачею поддерживать всѣми силами то, что я именно привыкъ любить и уважать въ молодости. Съ искреннимъ довѣріемъ къ ней, съ полною надеждою на успѣхъ, безъ страха и безъ задней мысли, я принялся за трудное, но высокое и благородное дѣло. И могъ ли я иначе за него взяться, когда, помня и любя время моего образованія въ четырехъ университетахъ, я живо вспоминалъ и тѣ стремленія, которыя меня тогда одушевляли; вспоминая, уважалъ ихъ въ себѣ. Я невольно переносилъ ихъ и на васъ, и въ васъ любилъ и уважалъ тоже самое, что привыкъ любить и уважать въ самомъ себѣ...

"Я зналъ, что не многіе раздѣляютъ мой взглядъ на университетскую молодежь и университетскую жизнь вообще; зналъ наконецъ и то, что меня будутъ обвинять въ слабости, въ неумѣнн, и въ гонѣбѣ за популярность; но все это не могло измѣнить моихъ глубокихъ убѣжденій, не могло остановить моихъ дѣйствій, основанныхъ на любви и уваженіи къ молодости, на довѣріи къ ея благородству мыслей и стремленію къ правдѣ. Не вѣрить въ это я не могъ, потому что не могъ ни сдѣлаться, ни казаться не мною. Это значило бы для меня перестать жить. Я остался мною и, разставаясь съ вами, уношу тѣ же убѣжденія, которыя принесъ къ вамъ, которыя никогда ни отъ кого не скрывалъ, потому что считалъ преступнымъ скрывать начала, служившія основаніемъ моихъ дѣйствій."

9-го апрѣля произошло съ Пироговымъ за обѣдомъ кіевское общество. Здѣсь отцы семействъ благодарили его за своихъ дѣтей; иностранецъ выразилъ удив-

леніе, возбужденное въ немъ простотою обхожденія Пирогова; говорилъ еврей Каценъ о нравственномъ вліянніи дѣятельности Пирогова, отразившемся на его соплеменникахъ, живущихъ въ Россіи. Мы остановимся на словахъ г. Кацена.

"Бѣдственная участь нашего народа въ средніе вѣка, сказалъ онъ, оставила насъ въ состояніи челоѣка, ошеломленнаго постоянными несчастьями, мучительными преслѣдованіями; мы такъ были измучены, такъ избиты, что намъ нечего было болѣе бояться, нечего было болѣе повредить въ насъ. наученные опытомъ, мы не могли вѣрить, чтобы кто-нибудь захотѣлъ облегчить наши страданія. Новая исторія не слишкомъ много сдѣлала для того, чтобы вывести насъ изъ этого нравственного оцѣпененія, этого гибельнаго недовѣрія ко всему неевропейскому. Правда, орудіе было другое: въ среднихъ вѣкахъ — физическая сила, въ новыхъ — низшая степень гражданскихъ правъ. Разумѣется, время и цивилизація взяли свое: образованное меньшинство успѣло примириться съ настоящимъ, и съ любовью и надеждой протягиваетъ руку потомкамъ, забывъ вину предковъ; но для того, чтобы возбудить это чувство довѣрія въ массѣ къ окружающей ее средѣ, нужна была личность, не только одинаково сочувствующая интересамъ всѣхъ народностей, но и привязанная къ нашему бѣдному, страдальческому племени особымъ чувствомъ состраданія, снисходительности къ его слабостямъ, какъ къ необходимымъ послѣдствіямъ историческаго хода событій, нужна была личность свѣтлая, высоконравственная, нужны были вы, Николай Ивановичъ! Вы это и сдѣлали. Ваше имя, имя русскаго, стало популярнымъ между евреями; вы намъ дали этимъ надежду на сближеніе съ народомъ русскимъ, сближеніе, составляющее задушевное желаніе, самое искреннее стремленіе образованнаго еврея. Вотъ подвигъ, который вы совершили, вотъ заслуга, за которую ваше имя останется вѣчнымъ памятникомъ въ исторіи развитія еврейскаго народа."

Мы бы долго не кончили, еслибы вздумали передавать все, что было высказано на прощаньи Н.И.Пирогову. Намъ хотѣлось представить только сущность того, что пространно развито въ многочисленныхъ рѣчахъ ораторовъ; намъ хотѣлось только уяснить явленіе, раскрыть источникъ общей симпатіи къ этому челоѣку и показать примѣръ, какъ можетъ въ наше время подняться въ глазахъ большинства достойная личность и какъ можетъ большинство оцѣнить и поднять своей оцѣнкой достойнаго общественнаго дѣятеля. Намъ хотѣлось наконецъ указать на эту новую характеристическую черту нашего времени, общающую въ будущемъ дальнѣйшее развитіе общественныхъ инстинктовъ.

Сейчасъ привели мы слова сошедшаго съ поприща дѣятеля: "Здѣсь на землѣ есть для насъ одно неразрушимое — это господство идей". Онъ имѣлъ полное, сознательное право произнести эту несомнѣнную истину и неразрушимости идей, потому что подтвержденіе для ней есть въ фактахъ его собственной умственной жизни. Давно уже, впервые заговоривъ о *вопросахъ жизни*, онъ бросилъ на свѣтъ мысль о необходимости общечелоѣческаго образованія прежде образованія спеціальнаго, и отъ этой мысли доходилъ до заключенія, что общее образованіе должно находиться внѣ спеціальныхъ заведеній, которыя слѣдовательно должны состоять изъ однихъ высшихъ, собственно спеціальныхъ курсовъ и назначаться для воспитанниковъ уже взрослыхъ. Эта мысль не погибла, и вотъ — осуществленіе ея между прочимъ встрѣчаемъ въ слѣдующемъ новомъ правительственномъ распоряженіи.

При Лѣсномъ Институтѣ и Лисинскомъ Учебномъ Лѣсничествѣ учреждень спеціальный курсъ лѣсоводства, имѣющій цѣлю приготовить для лѣснаго управленія людей изъ получившихъ высшее общее образованіе. Съ этою цѣлю къ слушанію курса допускаются окончившіе образованіе въ университетахъ съ степенью кандидата или званіемъ дѣйствительнаго студента, по разрядамъ наукъ: естественныхъ, камеральныхъ, математическихъ, юридическихъ и медицинскихъ (за исключеніемъ фармацевтовъ и ветеринаровъ).

При этомъ замѣчается, что въ 1863 году послѣдуетъ совершенное упраздненіе Лѣснаго Института, и тогда учрежденный теперь курсъ будетъ обращенъ въ особое спеціальное лѣсное заведеніе, — *Лѣсную Академію*, — которое сдѣлается единственнымъ, для высшаго образованія по лѣсной части.

Для учрежденнаго теперь курса обнародованы и подробныя правила.

Литературные антикваріи и большой вопросъ въ маленькихъ ручкахъ

Мы сказали — истинныя идеи неразрушимы, — въ этомъ конечно вы не сомнѣваетесь, читатель. Онѣ именно неразрушимы, — это ихъ лучший эпитетъ. Есть у насъ другое слово, но оно къ истиннымъ идеямъ не такъ хорошо идетъ. Это слово — живучесть. оно идетъ ко многимъ другимъ вещамъ, изъ которыхъ иныя тоже не рѣдко гуляютъ по свѣту подъ именемъ идей; но эти идеи — самозванцы, переряженцы, волки въ одеждѣ овчей. Къ нимъ между прочимъ принадлежать разнаго рода фокусы, изобретаемые такъ называемыми остроумными писателями, для достиженія различныхъ земныхъ, насущныхъ цѣлей, а иногда даже и цѣлей духовныхъ, какъ напримѣръ для воздвигенія себѣ временнаго миниатюрнаго пьедестальчика, чтобы стать на него въ качествѣ маленькаго божка, крошечнаго идеальчика, показаться, покрасоваться, показать публикѣ фокусъ и потомъ уйти внутрь пьедестальчика, какъ уходятъ подравшіяся марионетки. Фокусъ заключается иногда въ извѣстномъ взглядѣ на извѣстный предметъ, или даже просто въ извѣстномъ приѣмѣ, въ извѣстномъ тонѣ рѣчи, въ извѣстной манерѣ объясняться съ публикой. Подобное изобрѣтеніе большею частию остается во все время своего существованія исключительной привилегіей изобрѣтателя, потому что его собратья по ремеслу хотя видятъ иногда выгоду фокуса, но съ другой стороны соображаютъ невыгодность немного унижительной роли подражателя, и — оставляютъ изобрѣтеніе въ исключительномъ пользованіи изобрѣтателя — одни съ презрѣніемъ, другіе съ завистью и затаенной досадой. Между тѣмъ фокусъ, какъ изобрѣтеніе, имѣетъ характеръ новизны и свѣжести; новизна и свѣжесть привлекательны, онѣ нравятся публикѣ, публика стремится къ нимъ, и изобрѣтатель торжествуетъ, торжествуетъ до тѣхъ поръ, пока публика не присмотрится къ фокусу или не набьетъ имъ себѣ оскомины. Тогда можетъ послѣдовать одно изъ двухъ: или молчавшіе дотолѣ собратья ополчатся на пошатнувагося артиста, произойдетъ жестокая война, которая и кончится тѣмъ, что артиста повалятъ; или же догадливый артистъ, предупреджая войну, во время закроетъ лавочку, уберетъ свой пьедестальчикъ и удалится...

Казалось бы, что такъ тому дѣлу должно и кончиться. Но нѣтъ! Вотъ проходятъ годы; туманъ забвенія застилаетъ слѣды удалившагося артиста; мѣсто, гдѣ стоялъ его пьедестальчикъ, уже заросло травой и быліемъ; по немъ гуляютъ другіе

господа, совсѣмъ въ иныхъ костюмахъ, съ иными фізіономіями и приѣмами... Вдругъ — въ сторонѣ выдвигается изъ-подъ земли угломъ невѣстный предметъ. Тотчасъ находится господинъ съ призваніемъ антикварія, припадаетъ, собственноручно откапываетъ и извлекаетъ... пьедестальчикъ! Смотрите, дорогая находка уже у него на плечѣ; онъ бѣжитъ за нею, третъ ее, чиститъ, кроетъ свѣжимъ лакомъ и — онъ уже на пьедестальчикѣ, въ костюмѣ артиста, въ граціозной позѣ. Публика, начавшая было забывать артиста, успѣвшая поддаться другимъ впечатлѣніямъ увлечься другими интересами, видитъ что-то блестящее, не узнаетъ знакомаго пьедестальчика, идетъ, любопытствуетъ и любитъ, какъ чѣмъ-то новымъ. Конечно ей немного нужно времени на то, чтобы всмотрѣться и разпознать, что это новое — только подновленное и подкрашенное старье; но — вѣдь это пожалуй можетъ повториться и не разъ. Вотъ почему подобнымъ вещамъ слѣдуетъ приписать свойство живучести!

Недалѣе какъ въ прошедшемъ номерѣ нашего журнала одна статья указала мѣсто, гдѣ найденъ и открытъ пьедестальчикъ одного изъ нашихъ бывшихъ наиболѣе искусныхъ и наиболѣе смѣлыхъ артистовъ — Ѳаддея Венедиктовича. Но вѣдь это не единственный примѣръ...

Благосклонный читатель, скажите, были ли вы такимъ же какъ теперь благосклоннымъ читателемъ въ тридцатыхъ годахъ нашего вѣка? Мы тогда состояли таковыми; если и вы тоже, то конечно помните, чѣмъ для насъ былъ тогда таинственный, красовавшійся нѣкоторое время своей таинственностью баронъ Брамбеусъ, и какимъ подножіемъ служила ему тогда "Библіотека для чтенія". Если вы молоды такъ, что не помните тогдашней "Библіотеки для чтенія", то не судите по нынѣшней: теперь она уже въ третьихъ или четвертыхъ рукахъ; въ ней съ той поры произведено столько капитальныхъ исправленій и передѣлокъ, что первоначальной постройки и узнать невозможно. Если же вы помните первоначальную "Библіотеку для чтенія", то знаете, что въ ней больше всего и прежде всего читались: такъ называемая *Литературная лѣтопись* и статьи, подписанныя барономъ Брамбеусомъ; вы знаете, какъ мы носились съ этимъ идольщикомъ, какъ мы хохотали и радовались тому, что онъ для насъ выдѣлываетъ, съ какимъ наслажденіемъ читали мы его... А скажите, много ли вы вынесли и внесли въ вашу жизнь изъ того, что прочли въ *Литературной лѣтописи* и въ статьяхъ барона Брамбеуса?... Но можетъ быть вы съ той только поры и именно по милости баронъ Брамбеуса и вступили въ званіе благосклоннаго читателя? — И этого уже довольно, хотите вы сказать. Совершенно справедливо! Помянемте-же собственноручно за это добрымъ словомъ барона Брамбеуса и его литературную лѣтопись... Ну, а если бы теперь, когда вы давно уже привыкли быть читателемъ, вдругъ явились къ вамъ вновь и въ видѣ новостей та же или подобная литературная лѣтопись и такія же или подобныя статьи, какія были подписаны барономъ Брамбеусомъ, — какъ бы вы встрѣтили ихъ? Вы скажете, что этого быть не можетъ, что конекъ, на которомъ ѣздилъ баронъ Брамбеусъ, давно обезножилъ и едва ли обрѣтается въ числѣ живыхъ тварей. Напрасно вы такъ думаете: конька или его остовъ могутъ отрыть усердные антикваріи, и та же пѣсня... Да позвольте: уже не раздается ли она и теперь иногда вокругъ васъ, только раздается въ подновленного и подкрашеннаго пьедестальчика. Увы! кажется антикваріи упускаютъ изъ вида, что пьедестальчикъ барона былъ такого устройства, что не всякому удобно держаться на немъ. Барону легко было дѣйствовать, потому что

онъ взбирался на него во всеоружіи: у него бывали биткомъ набиты всѣ карманы разноцвѣтными камешками его остроумія, и онъ бросалъ ихъ въ публику полными горстями, что дѣйствительно производило отличный минутный эффектъ, и публика рукоплескала, заливаясь веселымъ смѣхомъ. Но если бы не достало матеріала? Если бы у вобразвагося на пьедестальчикъ антикварія оказался этотъ матеріалъ въ маломъ количествѣ и слабого достоинства, — вѣдь эффекта не было бы и — паденіе, рѣшительное паденіе! Ни что не можетъ быть печальнѣе того позорища, когда кто въ кругу умныхъ людей обнаружить претензію на остроуміе и наличнаго остроумія не предъявить. Произносить человѣкъ фразу, разчитывая на блестящій эффектъ; онъ кончилъ и самъ уже посмѣялся, а собеседники сидятъ молча, безъ улыбки и смотря въ вопросительнo, какъ бы ожидая еще чего-нибудь. А ждать-то ужъ нечего — все! Боже мой! какое тяжелое чувство производитъ всегда въ насъ подобное положеніе! Впрочемъ можетъ быть это наша личная особенность, — мы никому ея не навязываемъ; можетъ быть вы въ такихъ случаяхъ съ улыбкой и съ удовольствіемъ думаете: по дѣломъ! пусть будетъ стыдно господину, — впередъ наука!.. Ну, а если темoю для упражненія своего бѣднаго остроумія господинъ изберетъ такой предметъ, на который большая часть собесѣдниковъ смотреть очень серьезно, съ теплымъ участіемъ слѣдить за его разработкой, и лучшую, истинную его сторону считаютъ свято-неприкосновенною; и если господинъ примется мазать по всѣмъ сторонамъ этого предмета своимъ остроуміемъ, какъ грязью, подъ которою предметъ тускнѣетъ и опoшливается, — это уже не можетъ не покоробить васъ. — Все такъ, скажете вы; но къ чему же идти рѣчь? гдѣ же видно теперь появленіе изъѣздившагося баронова конька? — Извольте, можно сдѣлать и это указаніе, хотя мы увѣрены, что вы не замѣтили сами вновь появляющагося мѣстами конька потому только, что проходите мимо его безъ всякаго вниманія.

Здѣсь однако мы должны сдѣлать маленькую оговорку. Надо вспомнить, что баронъ, оставившій свою первоначальную дѣятельность и не показывавшійся публикѣ въ продолженіе десяти лѣтъ, снова потомъ появился на нѣкоторое время предъ нею; но тутъ онъ появился уже не на томъ конькѣ: тутъ его остроуміе приняло другой оттѣнокъ; оно перестало быть простыми разноцвѣтными камешками, а получило смыслъ, соотвѣтствующій настоящему времени и его потребностямъ (баронъ былъ человѣкъ разумный и съ большимъ тактомъ!). Мы говорили, конечно, о его первомъ, старинномъ конькѣ.

Что дѣлалъ онъ, въ періодъ своей первоначальной дѣятельности, съ наукой и съ вопросами, — это всѣмъ памятно, и объ этомъ мы уже говорить не будемъ. Но не припомните ли напримѣръ его взглядовъ на женщинъ и характера его глумленія надъ ними? Если припомните это, если припомните его язвительныя, холодныя рѣчи о нихъ, да еще припомните его *Фантастическія путешествія*, а потомъ заглянете... хоть въ *остроумный* фельетонъ "Спб. Вѣдомостей", въ № 100-мъ сего 1861 года, то изъ послѣдняго непремѣнно пахнетъ на васъ чѣмъ-то давно знакомымъ и давно забытымъ; вы тотчасъ распознаете фасонъ потеряго и обломаннаго пьедестальчика, узнаете поступъ престарѣлаго и изъѣзженнаго конька... Тамъ, въ фельетонѣ, видите ли, авторъ сообщаетъ почтеннѣйшей публикѣ разныя безобразныя видѣнія своего магнетическаго сна, изъ которыхъ самымъ безобразнѣйшимъ показалось намъ слѣдующее:

Въ обширной общественной залѣ кто-то читаетъ публичную лекцію "объ